

Петр Лоссовски

Традиция единства Европы: межвоенный период*

Чрезвычайно важно помнить, что концепция объединения Европы – это не идея-однодневка, конъюнктурная и преходящая, а давнее стремление, которое до настоящего времени не удавалось реализовать. Появление этой концепции было вызвано потребностями континента, связано с политическими и экономическими интересами расположенных в Европе государств, со стремлением предотвратить постоянно возникающие войны.

Здесь мы не будем останавливаться на концепциях, восходящих к далекому прошлому, хотя, с тех пор как существует Европа, в ней всегда существовали и интеграционные тенденции. Однако они главным образом выражались в стремлении отдельных держав к господству. В то же время много было высказываний политиков, писателей, экономических деятелей, которые призывали к объединению Европы, исходя из идейных соображений.

В настоящей статье мы хотели бы заняться периодом, наступившим после I мировой войны. Периодом относительно кратким, но чрезвычайно важным для развития идеи объединения Европы. Вследствие жестоких испытаний, которых не пожалела Европе I мировая война, поднялись и окрепли голоса тех, кто призывал к поиску эффективных способов предотвращения вооруженных конфликтов. Важно, что возникали не только идеи, выдвигались не только предложения, но и предпринимались попытки их реализации

---

* Статья написана с опорой на мои более ранние исследования, ведущиеся уже в течение 20 лет (P. Łossowski, *Sprawa jedności europejskiej w okresie międzywojennym* // *Dziesięć wieków Europy*, Warszawa 1983, s. 491-518; см. также: *The Idea of a United Europe 1918-1939* // *Acta Poloniae Historica*. Т. 58. 1986, s. 67-97),

на основе коллективного взаимодействия. Были предприняты шаги по созданию и организации движения за объединение Европы. В основу этих концепций был положен принцип полной добровольности и равенства прав больших и малых государств.

Эта инициатива столкнулась с действительностью, которая явно не способствовала объединению Европы. После войны в государствах возникло стремление к обособленности, закрытости границ, ревностной охране своего суверенитета. В литературе того времени много, может, даже слишком много, писалось о раздробленности Европы. Указывалось, что она превращается в континент мини-государств, половина из которых меньше, чем Гондурас в Центральной Америке¹.

Дополнительным дезинтегрирующим фактором было то, что многие государства находились в состоянии конфликта друг с другом. Конфликты возникали между государствами, удовлетворившими свои территориальные притязания благодаря победе Антанты, и странами, за счет которых это стало возможным. Имелись и другого рода конфликты. Взаимоотношения новых государств, даже если их не разделяли серьезные территориальные споры, добрососедскими становились не сразу. Нужны были годы, чтобы государства научились мирно сосуществовать.

Немаловажное значение для единства Европы имел тот факт, что в результате образования новых государств большую, чем прежде, роль начали играть народы, находившиеся ранее в подневольном положении, обреченные долгое время на иностранное господство. Это были преимущественно славянские народы. Запад смотрел на них с выжиданием, но и с беспокойством, подчеркивая отличие этой пробуждающейся к самостоятельной жизни части Европы. Вот пример характерного с этой точки зрения мнения: «Славянские народы одновременно являются народами сильными и слабыми. Сильными, учитывая их численность, храбрость, обладание значительной частью Европы, пусть и небогатой, но способной стать богатой. Слабыми, поскольку у них нет политической традиции, навыков дисциплины и единства, они демонстрируют низкий уровень образованности...»². Подчеркивалось, что подлинная «европеизация» этих народов будет

¹ K. Brockhausen, *Europa 1914 und 1924. Bild und Gegenbild*, Wien 1924, S. 37.

² P. Drieu la Rochelle, *L'Europe contre les patries*, Paris 1931, p. 105.

происходить постепенно и может растянуться на долгие годы. Пока же Европа еще более явно оказалась поделенной на «цивилизованный запад» и «отсталый славянский восток».

Еще одним проявлением дезинтеграции континента явилось создание на месте старой России, связанной множеством уз с Западной Европой, нового государства – Советской России. Возникновение государства, которое отвергло общепринятые принципы международной жизни, провозгласив идею всемирной экспансии, вызвало вполне понятную неприязнь и стремление защитить себя или даже изолировать от изменившейся России. Первоначально никто не верил в необратимость происшедших в ней перемен. Однако с течением времени перспектива смены государственного устройства в России отодвигалась все дальше и дальше, и тогда были предприняты попытки каким-то образом урегулировать отношения с новым государством. Тем не менее участие Советского Союза в жизни Европы оставалось весьма незначительным. Глядя с неприязнью и опаской на Европу, Россия сосредоточилась на собственных проблемах и задачах. Не считаясь с лишениями и жертвами, она производила глубокие социальные и экономические преобразования.

Фактически внутри Европы проходила граница от Баренцева до Черного моря. Особенно велики опасения по поводу СССР были в сопредельных странах.

Образ послевоенной Европы получился бы, однако, неполным, если бы мы сосредоточились исключительно на факторах, разделяющих континент, факторах дезинтеграции. Следует отметить, что в то же время появились факты и явления, прежде неизвестные, которые свидетельствуют о существовании противоположных тенденций.

Начать следует со сферы экономики. Несмотря на сильную конкуренцию в условиях возобновляющихся кризисов, несмотря на стремление к автаркии и таможенные барьеры – товарооборот между европейскими странами показывает очевидную тенденцию роста. Природные условия, близкое соседство заставляли налаживать сотрудничество, которое пробивало себе путь, несмотря на все трудности. По оценке П. Ренувэна (Pierre Renouvin), в 1925 году экономические отношения между европейскими странами внушали надежду и давали повод для удовлетворения, потому что возникло явле-

ние специализации в производстве и наблюдалось оживление товарооборота³.

Важным свидетельством этого стало создание картеля производителей стали. Началось согласование объемов продукции, цен на кокс и сталь. 30 сентября 1926 года производители стали из Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга создали Международное объединение стали. Его целью было регулирование спроса и предложения⁴.

И все же наиболее важным свидетельством того, что, несмотря на послевоенную дезинтеграцию и раздробленность, Европа по-прежнему оставалась чем-то большим, чем просто географическое понятие, стало движение в поддержку европейского единства, которое приобрело особое значение в первое десятилетие после войны.

Военные события оказались важным испытанием и уроком на будущее. В сознании многих людей окрепло чувство принадлежности к Европе. Тем болезненнее было ощущение усиливающейся европейской деградации. Росло понимание того, что вопросы войны и мира, развития и благосостояния не могут решаться только одним, пусть даже самым крупным государством. Лозунг «Наше отечество – Европа» завоевывал все большую популярность. Более того, в этой сфере происходили качественные изменения. Идея европейского единства начала превращаться в самостоятельное политическое течение. Единство Европы перестало быть средством, становясь целью⁵.

Идея объединения 400 млн европейцев вдохновляла. Под ее влиянием испанец Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset) писал: «Для европейцев близится час, когда Европу охватит единая национальная идея. Сегодня вера в это гораздо менее утопична, чем в звучавшие в XI в. предсказания об объединении Испании или Франции»⁶.

На тему единства Европы писали в то время много и охотно. Почти ежегодно издавалось больше десятка книг, не считая множества статей, появлявшихся в разных европейских странах⁷.

³ P. Renovin, *Les crises du XX siècle. Vol.1 de 1914 a 1929*, Paris 1959, p. 215.

⁴ *Europa. Dokumente zur Frage der europäischen Einigung*, T. 1., Bonn 1962, S. 70-75.

⁵ Cp. G. Bonneville, *Prophetes et temoins de l'Europe. Essai sur l'idée d'Europe dans la litterature francaise de 1914 a nos jours*, Leyda 1961.

⁶ J. Ortega y Gasset, *Der Aufstang der Massen*, Stuttgart 1930, S. 96-97.

⁷ Ж.-Л. Шабо в своей интересной и прекрасно документированной работе (*L'idée d'Europe Unie de 1919 a 1939*, Grenoble 1978) отмечает, что в целом по тематике европейского единства в межвоенный период, в основном в 1926-1931 гг., было опубликовано около 600 работ: книг и больших статей.

Однако это интеллектуальное течение хотя и приобрело широкий размах, но отличалось, за небольшим исключением, некоторой расплывчатостью взглядов. Основную роль в нем играли стремления и концепции.

Большей конкретностью отличались концепции, которые выражали разного рода экономические деятели. Экономисты использовали очень простые аргументы. На первый план выдвигался тезис, что Европа уже *de facto* представляет собой единый экономический организм. Отсюда часть авторов, в первую очередь немецких, делала вывод, что отсталость одного из ее членов наносит вред всем другим странам. В качестве доказательства приводился пример экономического кризиса в Германии, который неблагоприятно отразился на экономике всей Европы.

Исходя из этого, многие авторы в качестве предпосылки экономического объединения указывали на необходимость возрождения роли Германии. Одновременно первым конкретным шагом на пути к экономическому единству считалось создание европейского Таможенного союза⁸.

Были предприняты энергичные попытки претворить эту идею в жизнь. Так, например, Э. Майриш (Emile Mayrisch), один из основателей уже упоминавшегося картеля производителей стали, представлявший Люксембург, выступил инициатором создания в Париже Комитета содействия европейскому таможенному союзу, привлекая к нему большое число политиков, экономистов, промышленников, финансистов⁹.

Приведенные выше высказывания в поддержку объединения Европы, а также предпринимаемые в этом направлении шаги дают представление о масштабах данного движения. Теперь остановимся подробнее на инициативах, выделяющихся на фоне аналогичных действий особой последовательностью и решимостью. Имеется здесь в виду деятельность австрийского аристократа, графа Ричарда Коденхов-Калерги (Richard Coudenhove-Kalergi). Он одновременно явился создателем программы, инициатором и руководителем движения в поддержку европейского единства, известного под названием Пан-Европы.

⁸ "Premier pas vers l'union européenne l'Union douanière: européenne" – таков основной тезис бельгийского автора В. Войтинского: V. Voytinsky, *Les États Unis d'Europe*, Bruxelles 1927.

⁹ H. Brugmans, *L'idée européenne. 1920-1970*, Bruges 1970, p. 49-50.

Для Коденхов-Калерги это не было, как для многих других, случайным, мимолетным увлечением. Он стал пылким пропагандистом идеи панъевропеизма на долгие годы. Он вел свою деятельность не только в благоприятных условиях, но также в период поражения и приближающейся войны. Коденхов-Калерги можно во многом упрекнуть, указать на ошибочность многих его убеждений, но ему нельзя отказать в искреннем и жертвенном служении делу объединения Европы.

Как верно замечает Ст. Серповский, Коденхов-Калерги завоевал славу, которая «затмила не одного политика». Он утверждал, что «будущее для континента и всего мира может построить лишь молодое поколение европейцев, способное противостоять экономической и политической раздробленности. Только молодежь способна в будущем спасти Европу от динамичной России и Америки»¹⁰.

Будучи относительно молодым 29-летним человеком, мало кому известным в то время, Коденхов-Калерги выступил в 1923 году с программой, которая нашла свое выражение в книге «Пан-Европа»¹¹.

Взгляды Коденхов-Калерги представляют собой единое целое: они содержат серьезное обоснование необходимости объединения Европы и одновременно возможные способы претворения этой идеи в жизнь. По его мнению, перед Европой в то время стояли две жизненно важные проблемы: социальная и объединительная.

Если первую проблему пытались решать, то о второй забывали, хотя она имела не меньшее значение. Автор много писал о кризисе Европы, «погрязшей в долгах, раздробленной, беспокойной, понесшей большие человеческие потери, с уничтоженной промышленностью, погруженной в экономический и валютный хаос» (С. 17). Будущее Европы, которой вдобавок ко всему угрожала опасность извне, рисовалось Коденхов-Калерги в самых мрачных тонах. Наибольшую опасность, по его мнению, представляла новая война, которая угрожала бы гибелью всему континенту.

Ядро концепции панъевропеизма составляло создание основанного на культурно-исторической общности единого

¹⁰ S. Sierpowski, *Uwarunkowania narodzin planu Brianda o europejskiej federacji // Polska wobec idei integracji w latach 1918-1945*, M. Wojciechowski (red.), Toruń 2000, s. 164.

¹¹ R. Coudenhove-Kalergi, *Pan-Europa*. Wien - Leipzig 1923, s. 168.

европейского сообщества. В его рамках народы должны были пользоваться «широкой и полной внутренней автономией, сопровождаемой широко понимаемой федерацией извне» (С. 21). Коденхов-Калерги резко выступал против национализма, против притеснения национальных меньшинств, призывая к толерантности.

По идее автора, панъевропейское сообщество должно было быть гораздо меньше Европы в ее географических границах. Он исключал из него Великобританию, считая ее мировой, а не европейской супердержавой. Исключал также Советский Союз, но не только потому, что большая его часть располагалась в Азии. Согласно его концепции, панъевропейское сообщество должно существовать без Англии, но при условии ее поддержки и тесного с ней сотрудничества. В то же время от СССР он резко отмежевывался, неоднократно используя в своей книге аргументы, подтверждающие существование «большевистской угрозы». Однако здесь он не был последователен до конца. Коденхов-Калерги стремился к налаживанию с СССР нормальных отношений, прежде всего на экономической почве.

Чрезвычайно важным для Коденхов-Калерги было определение своего отношения к Лиге Наций. Подвергая ее критике, он в то же время не сомневался в самой необходимости ее существования. Более того, панъевропейский союз он определял как региональное образование, входящее в состав Лиги Наций (С. 81-89).

Основополагающим принципом, базой для всей конструкции Пан-Европы, призвано было стать франко-германское соглашение. Такая постановка вопроса ставила перед Коденхов-Калерги много проблем. Несомненно, нужно было обладать недюжинной смелостью и еще большим воображением, возможно даже пророческим даром, чтобы писать о франко-германском союзе в 1923 году, когда ожесточенные споры между Францией и Германией достигли своего апогея.

Чем же была программа Коденхов-Калерги в условиях реальной действительности послевоенной Европы? Была ли она полностью бесосновательной, одной из многих утопических теорий? Или же в этой программе было рациональное зерно и шансы на реализацию?

Вероятно, сама идея предотвращения войны путем объединения не была лишена разумного начала и могла воздействовать на воображение людей, совсем недавно испытавших

на себе все тяготы военного времени. Но общая атмосфера, царившая в Европе того времени, особенно в Центральной и Восточной Европе, как это уже отмечалось, не способствовала развитию объединительных тенденций.

Коденхов-Калерги призывал европейцев к единству, указывая на опасности, угрожающие им извне. Этот аргумент был, по-видимому, малодейственным. Очаги напряженности тлели над Шпрее и Дунаем, а не на Урале и не за океаном. И это ощущалось значительной частью, если не большинством, европейцев.

Послевоенная Европа была раздроблена не только с политической, но и с идеологической точки зрения. И это последнее противоречие было нередко гораздо более глубоким, чтобы не сказать непреодолимым, чем существовавшие пограничные споры.

Однако, несмотря на все это, несмотря на неблагоприятную в общем атмосферу, программа Коденхов-Калерги содержала целый ряд элементов, которые могли прозвучать довольно убедительно для европейцев. Помимо уже упомянутой идеи предотвращения войны, к их числу принадлежали прежде всего его аргументы относительно тех выгод, которые могло принести экономическое сотрудничество, а также ликвидация или хотя бы уменьшение таможенных барьеров.

Основная цель Коденхов-Калерги – начать организованную кампанию в поддержку Пан-Европы. Он обращался прежде всего к простым людям, к обыкновенным гражданам, призывая их создавать широкое движение, которое заставило бы действовать правительства. В то же время он не отказывался и от попыток непосредственного вовлечения в кампанию представителей власти.

Начало было, однако, трудным и скромным. Как признается сам Коденхов-Калерги, его первые статьи и обращения не нашли почти никакого отклика. К панъевропейскому движению решили присоединиться от силы чуть больше десятка человек, главным образом «фантазеры или безумцы»¹².

Коденхов-Калерги понимал, что роль фундамента Пан-Европы больше всего соответствовала бы Франции, наиболее сильному и наиболее влиятельному в то время государству

¹² R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben für Europa. Meine Lebenserinnerungen*, Köln - Berlin 1966, S. 121.

Европы. Однако, поскольку в тот момент у власти во Франции стоял Р. Пуанкаре (Raymond Poincaré), проводивший непримиримую политику в отношении Германии, она вряд ли могла исполнить эту функцию. Не была готова к этому и Германия.

В сложившейся ситуации Коденхов-Калерги остановил свой выбор на Малой Антанте, которую он рассматривал как союз государств, способный стать зародышем более масштабного сообщества. Но от руководителей союза ему удалось добиться лишь весьма туманных обещаний поддержки. В Малой Антанте полагали, что сама идея верна, но время ее реализации еще не пришло.

Трудности не могли остановить Коденхов-Калерги, и он начал действовать собственными силами. Наиболее благоприятной ему показалась атмосфера в Вене, которая и стала центром всего движения. Там помещались его представительства, там было создано издательство «Пан-Европа», которое обеспечило возможность проведения широкомасштабной пропагандистской акции.

Австрия, в которой присутствовало сознание «самого униженного государства послевоенной Европы», усмотрела для себя определенный шанс в панъевропейской идее. Ведущие австрийские политики включились в движение, обещая свою поддержку. Сегодня мы знаем, что эти обещания не были голословными. Австрийские дипломаты по поручению своего МИДа выступали в поддержку панъевропейского движения¹³.

Коденхов-Калерги был неутомимым и стойким борцом за свои идеи. Он беспрестанно ездил по европейским столицам, уговаривал, убеждал, основывал местные комитеты Пан-Европы.

В ходе своих путешествий он посетил также Польшу. Он ее почти не знал и плохо понимал. Однако он осознавал ее значение хотя бы в том, что восточная граница Польши должна была стать границей Пан-Европы на Востоке. Он уверял, что образование европейского союза защитит Польшу от очередных разделов. Однако у него не было четкой позиции по отношению к немецким территориальным притязаниям в

---

¹³ Например, австрийский посланник в Берлине Р. Редль направил 27.04.1923 г. брошюру под названием "Vertlag zur Grundung der Vereinigten Staaten von Europa" с рекомендацией для германского МИДа (W. Lipgens, *Europäische Einigungsidee 1923-1930 und Briands Europa-Plan im Urteil der deutschen Akten. Historische Zeitschrift*, T. 203, 1966, S. 64.

Польше, что не могло не вызвать неблагоприятных откликов на Висле¹⁴.

В 1925 году Коденхов-Калерги прибыл в Варшаву и выступил с предложением создания польского комитета движения. Как пишет специалист по данной проблематике Кшиштоф Рухневич, это положило начало наиболее активному интересу к панъевропейскому движению в Польше¹⁵.

Движение возглавил известный политик, юрист и дипломат Александр Ледницки. «Пан-Европа как реальная идея объединения европейских народов, – писал он, – приобретает все более верные очертания. Польша в своем отношении к этой проблеме должна исходить из необходимости защиты своего независимого существования и защиты жизни народа, и только при условии учета этих принципиальных моментов можно говорить о гармонии взаимно пересекающихся международных интересов»¹⁶.

Наряду с Ледницким, положительно отнеслись к панъевропейской идее, в частности, известный деятель социалистического движения Мечислав Недзьялковски, музыкант Бронислав Хуберман. 2 февраля 1927 года был создан организационный комитет польской секции Европейского Союза. В него вошли, кроме Ледницкого, Юзеф Бузек, Хиполит Гливиц, Витольд Каменеcki, Станислав Поснер, Войцех Ростворовски, Валеры Славек, Мечислав Шавлевски, Юзеф Тарговски¹⁷. Обращает на себя внимание присутствие в комитете Валеры Славека, близкого соратника маршала Ю. Пилсудского, позже ставшего премьер-министром. Однако в целом приходится констатировать, что панъевропейская идея не нашла в Польше должного отклика. Но этот вопрос нуждается в более подробном исследовании.

Возвращаясь к деятельности Коденхов-Калерги, следует отметить, что он опасался того, чтобы на возглавляемое им движение не пало подозрение в прогерманских настроениях или даже в германских источниках самой идеи. С этим и связаны постоянные демонстративные попытки добиться поддержки Франции.

¹⁴ J. Tombiński, *Początki ruchu paneuropejskiego w Polsce* // M. Puławski (red.), *Z dziejów integracji europejskiej od średniowiecza do współczesności*, Kraków 1995.

¹⁵ K. Ruchniewicz, *PanEuropa hr Richarda Coudenhove-Kalergiego a Polska* // *Polska wobec idei integracji europejskiej*, s. 54–57.

¹⁶ Цит по.: K. Ruchniewicz, *Ibid.*, s. 56.

¹⁷ Там же. - С. 59.

Они закончились успехом: в начале 1925 года Коденхов-Калерги удалось добиться поддержки Э. Геррьё (Edouard Herriot), занимавшего в то время пост премьер-министра и министра иностранных дел Франции. В одном из публичных выступлений Геррьё заявил даже о своем «желании дожидаться создания Соединенных Штатов Европы»¹⁸. Такое заявление ни к чему, однако, не обязывало.

Большую пользу панъевропейскому движению принесло подписание Локарнских договоров. Потепление во франко-германских отношениях, наступившее после этого, означало устранение или, по крайней мере, ослабление одной из самых больших трудностей, которые, по мнению Коденхов-Калерги, стояли на пути реализации идеи Пан-Европы.

В 1926 г. он пытается придать движению новую динамику, вывести его на более высокую ступень развития. Именно тогда он выступает с инициативой созыва конгресса, целью которого было бы создание более сплоченной, централизованной организации. Конгресс состоялся в Вене 3-6 октября 1926 года в очень торжественной обстановке. В нем приняло участие 2 тыс. делегатов, представляющих 24 государства, в том числе и Польшу.

Конгресс закончился большим успехом. Были приняты совместная рамочная программа действия и устав Панъевропейского Союза. Был создан центральный совет – высший орган, в состав которого вошли председатели национальных комитетов. Коденхов-Калерги был избран президентом Союза¹⁹.

В течение нескольких лет выросло число участников панъевропейского движения, оно стало широко известным, упрочилось его влияние и связи. Коденхов-Калерги высоко ценил благожелательность, с которой искренне относились к нему многие писатели. Он по-прежнему не уставал в ходатайстве о помощи и поддержке в предпринимательских кругах, где ему удалось добиться неких успехов.

Намного труднее оказалось получить поддержку правительств, официальных кругов конкретных государств. Коденхов-Калерги пытался решить и эту задачу, понимая, что только при помощи политиков, стоящих у руля власти, идея объединения Европы сможет приобрести реальные очертания.

¹⁸ R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben ...*, S. 129.

¹⁹ Там же. - С. 149-151.

ния. Ознакомление с документами министерства иностранных дел Германии позволяет утверждать, что германские дипломаты с большой долей скептицизма и недоверием относились к панъевропейскому движению. Можно предположить, что подобным образом дело обстояло и в других государствах.

Вот как один из высших должностных лиц *Auswärtiges Amt* Бернхард фон Бюлов (Bernhardt von Bülow) определял панъевропейское движение: «сомнительная инициатива, задачи которой находятся в стадии разработки и с политической точки зрения в настоящий момент довольно трудно предсказуемы»²⁰. Он высказывался за соблюдение сдержанности и осторожности.

Не раз, несмотря на все свои старания и усилия, Коденхов сталкивался с ничего не значащими обещаниями, недоумолвками или просто отказом. Лишь его необычайное упорство помогало ему, несмотря на неудачи, вопреки всем препятствиям, вновь и вновь возобновлять свои усилия. Но и он вынужден был признать, что, хотя панъевропейское движение в 1923-1926 гг. получило определенное развитие, оно не оказало должного влияния на правительства. Движение не обладало реальной политической силой. На заседаниях Лиги Наций оно также почти не упоминалось.

Ситуация кардинально изменилась, когда наконец один из ведущих европейских государственных деятелей активно поддержал идею объединения Европы. Этим политиком был Аристид Бриан (Aristide Briand), неоднократно занимавший пост премьер-министра и министра иностранных дел Франции.

Первая встреча Коденхов-Калерги с Брианом произошла в начале 1926 года Бриана не нужно было привлекать к движению. Он уже давно следил за развитием панъевропейского движения и решил оказать ему поддержку. Он заявил Коденхов, что хочет упрочить свой «триумф в Локарно» «новым смелым шагом на пути к Соединенным Штатам Европы». Он дал Коденхов-Калерги обещание духовной поддержки²¹. Бриан сдержал слово – в 1927 году он взял движение под свою опеку, заняв пост почетного председателя Панъевропейского Союза.

Однако Коденхов-Калерги с нетерпением ждал более конкретных шагов со стороны Бриана. Но прошло два года,

²⁰ Цит. по: W. Lipgens, *Ibid*, s. 68.

²¹ R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben...*, S. 148.

прежде чем Бриан в середине 1929 года решился на официальное выступление. Свои взгляды он представил 5 сентября 1929 г. на ассамблее Лиги Наций. Вот как звучал центральный фрагмент его речи: «Я уверен, что народы, столь географически близкие, как народы Европы, должны объединиться в федеративные союзы. Эти народы должны получить возможность постоянно поддерживать взаимные контакты, обсуждать свои проблемы и принимать общие решения. Одним словом, они должны создать солидарный союз, позволивший им достойно встретить важные события, которые могут ожидать их в будущем». Далее в своем выступлении Бриан особо подчеркнул, что «объединение Европы должно в первую очередь реализоваться в экономической сфере, поскольку решение этой проблемы не терпит отлагательств»²². Однако это была лишь декларация объединения. Воплощению этой идеи нужны были дальнейшие мероприятия.

Выступление Бриана было встречено бурей аплодисментов. Вслед за ним и другие выступавшие поддержали дело объединения. 9 сентября 1929 года состоялась первая неофициальная панъевропейская конференция представителей правительств 27 государств. В результате было решено, что Бриан изложит в письменном виде свои конкретные предложения и разошлет правительствам с просьбой рассмотреть их. После их рассмотрения через год планировалось выступление Бриана в Лиге Наций с окончательным проектом.

Однако неожиданно возникли осложнения. Одним из негативных фактов был крах нью-йоркской биржи, который 24 октября 1929 года спровоцировал начало мирового кризиса. Он вызвал сильные автаркические тенденции в европейских государствах, что создало неблагоприятную атмосферу для панъевропейской идеи.

Однако Бриан приступил к разработке обещанного документа. В мае 1930 года после одобрения французским правительством, работа над меморандумом была завершена. Он был оглашен 17 мая, в тот самый день, когда в Берлине открывался II Панъевропейский конгресс.

Меморандум содержал обширное и хорошо продуманное обоснование необходимости объединения. «Объединиться, чтобы жить и развиваться, – читаем в документе, – вот насущ-

²² J. B. Duroselle, *L'idée d'Europe dans l'histoire*, Paris 1965, p. 271-275.

ная задача, стоящая перед всеми народами Европы. Настроения народов по поводу объединения проявились уже достаточно отчетливо. Теперь дело за правительствами, которые должны взять на себя определенные обязательства»²³.

Однако на фоне общих фраз конкретные предложения выглядели довольно скромно. Бриан писал лишь, что «Европейская конференция станет центральным органом Союза, который будет состоять из представителей всех европейских правительств, являющихся членами Лиги Наций». Исполнительным органом Союза призвана была стать политическая комиссия и находящийся в ее распоряжении секретариат. Выбор Женевы как места работы этих органов и означал, что Европейский Союз будет осуществлять тесное взаимодействие с Лигой Наций.

В документе особо подчеркивались два момента. Во-первых, что вхождение в Союз ни в коей мере не будет угрожать суверенности государств-членов. Во-вторых, в отличие от более ранних проектов, провозглашался приоритет политики над экономикой, «поскольку любой прогресс на пути экономического объединения зависит от проблемы безопасности».

Коденхов-Калерги, ознакомившись с текстом меморандума Бриана, не мог скрыть своего разочарования. «Это было написано очень небрежно, – писал он, – расплывчато и туманно. Все базировалось на нерушимости принципа суверенитета всех союзных государств, подчинении Европы Лиге Наций и на приоритете политики над экономикой. В этом документе не содержалось ничего, что апеллировало бы к воображению народов. Он был написан для дипломатов и юристов»²⁴.

Для полноты картины следует напомнить, что за несколько месяцев до этого, 25 февраля 1930 г., Европейский Союз выступил с собственным проектом Европейского пакта, декларирующего создание Федерации европейских государств. Этот план шел намного дальше проекта Бриана, предусматривая создание следующих органов: Совета федерации, Федерального собрания, в которые должны были войти делегаты от парламентов. Планировалось также создание федерального суда и секретариата. Предполагалось, что федерация

²³ Текст меморандума А. Бриана, датированного 1 мая 1930 года, см. в: *Societe des Nations. Documents relatifs a l'organisation d'un regime d'Union Federale Europeenne*, Genewa 1930, p. 1-6.

²⁴ R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben...*, S. 181.

будет располагать собственными финансами, а граждане отдельных государств получают одновременно европейское гражданство²⁵.

Были и другие предложения. В этот период возникает целый ряд инициатив аналогичной направленности. Например, журнал „Revue des Vivants” объявил конкурс на лучший проект федерации. В жюри конкурса вошли видные политики, писатели, ученые. Польшу представлял бывший министр иностранных дел Август Залески. Организаторы конкурса получили более пятисот предложений.

Первое место занял проект Р. Манжена (Robert Mangin) под названием «Образование политической федерации европейских государств», который отличался оригинальностью и конкретностью предлагаемых решений. Союз, по его мнению, должен был опираться на экономическую базу. Союз должен был предотвратить возможность войны путем создания третейского суда и обеспечения гарантий существующих границ. Автор старался учесть существующие трудности, конфликты и противоречия и стремился показать пути их преодоления. Существенная роль в его концепции отводилась двухпалатному парламенту, обеспечивающему представительство больших и малых государств в соответствующих пропорциях. «Следует исходить из ситуации, реально существующей в Европе, – писал он, – принимать ее, не пытаясь изменить, но при этом искать пути, которые позволили бы учесть интересы всех народов в равной степени». Предполагалось, что Европейская федерация будет располагать собственной армией, а ее столицей должна была стать Вена²⁶.

1930 г. стал годом великих надежд и наиболее интенсивных поисков путей объединения. Помимо названных проектов, было предложено множество других. Внимания заслуживает также предложение, внесенное 28 июля 1930 г. Международным союзом юристов. Его отличительной чертой была тщательная картина основ структуры и организации союза, компетенций его органов и принципов его функционирования²⁷.

9 сентября 1930 г. в Женеве собрались представители европейских государств, чтобы заслушать мнение Бриана относи-

²⁵ J. B. Duroselle, *L'idee d'Europe...*, p. 277.

²⁶ *Europa. Dokumente zur Frage...*, S. 3-27.

²⁷ Там же. - С. 63-70.

тельно замечаний, высказанных по поводу его меморандума. Воспользовавшись расхождениями, и даже противоречиями, содержащимися в присланных постулатах и замечаниях, Бриан предложил сначала определить «принцип европейского объединения». Это обеспечило бы возможность созыва съезда Европейского союза. Однако воспротивились этому представители Великобритании, поддержанные Германией.

Во время дискуссии, возникшей по этому вопросу, эффект разорвавшейся бомбы произвело известие о победе гитлеровской партии на выборах в Рейхстаг. Гитлеровцы не скрывали своего враждебного отношения к делу объединения Европы. Именно в это время была опубликована книга Альфреда Рсенберга (Alfred Rsenberg) «Миф XX века». Автор отвергал идею Пан-Европы, противопоставляя ей проект объединения «нордических источников силы Европы»²⁸.

Создавалась атмосфера, неблагоприятная для европейского согласия и объединения. Голоса против проектов Бриана звучали все громче и резче. Тогда он предпринял попытку создать по крайней мере постоянный европейский секретариат в Женеве. Но и это невозможно было осуществить.

Дискуссия, развернувшаяся в Женеве в сентябре 1930 года, оказалась плохим предзнаменованием для идеи объединения Европы. Побеждали сепаратистские устремления и националистические тенденции. Свидетельством этого стала судьба Комитета по изучению проблем Европейского Союза.

Он был созван в январе 1931 года. Однако вместо того, чтобы рассматривать принципиальные вопросы, к чему обязывало его название, он занялся по предложению делегата от Германии частными экономическими проблемами. Разногласия обострились на третьем заседании Комитета в октябре 1931 года. Все предложения, нацеленные на выведение дела европейского единства из тупика, были отклонены. Так, по инициативе делегатов от Германии, поддержанных итальянцами, был отвергнут французский проект создания в рамках Лиги Наций постоянной Комиссии Европейского Союза.

В архив было сдано также предложение делегата от Эстонии об обсуждении устава Объединенных Штатов Европы²⁹. В 1932

²⁸ A. Jacobsen, *Nationalsozialistische Aussenpolitik 1933-1938*, Frankfurt am Main 1968, S. 52.

²⁹ K.R. Pusta, *Fonctionnement et travaux de la Comission d'Etude pour l'Union Europeenne // Revue de Droit Internationale*, 1930, p. 52.

году Комитет собирался еще дважды. Однако он оказался неспособным к принятию каких бы то ни было решений. В 1933 году его заседания уже не возобновлялись.

В сложившейся ситуации упорство Бриана достойно было восхищения, не говоря уже о Коденхов-Калерги. Оба они пытались продолжать начатое дело во все более неблагоприятных условиях.

«Бриан выглядел как человек уставший, сломленный, – вспоминает Коденхов, – когда я вновь встретил его в сентябре 1931 года в Женеве. Тем не менее он был полон решимости остаток своей жизни посвятить идее объединения Европы. Однако из борца за идею он все больше превращался в ее мученика». С трибуны Лиги Наций Бриан заявил о своем намерении отправиться в путешествие по Европе с сумой пилигрима за спиной, чтобы провозглашать идею мира и единения среди народов. Коденхов намеревался сопровождать его в этом паломничестве³⁰. Однако смерть Бриана 7 марта 1932 года перечеркнула эти планы.

Руководство деятельностью и весь груз ответственности вновь легли на плечи Коденхов-Калерги. Впрочем, он не был одинок. Многие писатели, публицисты, ученые поддерживали его усилия. Один из них, Ф. Ламур (Philippe Lamour), так писал в 1931 году: «Против войны надо Европу построить. Реальную Европу, а не дипломатический союз, основанный на лицемерии государств»³¹.

Такие голоса выражали стремление обращаться к народам, к обществам. После снижения активности правительств оно вновь начинает преобладать в панъевропейском движении. Именно под этим лозунгом проходили заседания III Панъевропейского конгресса, созванного в Базеле 1-4 октября 1932 года. На нем было принято решение о создании Европейской партии. Однако реализация этого проекта была отложена до разрешения «германского кризиса».

Ждать пришлось недолго, однако для панъевропейского движения это имело самые негативные последствия. 20 января 1933 года. Гитлер стал канцлером Германии. В сложившейся ситуации невозможно было думать о «европейской партии». Происходит корректировка целей и методов деятельности движения. Национал-социализм превращается в главного

³⁰ R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben...*, S. 183-184.

³¹ Цит. по: Н. Brugmans, *L'idée européenne...*, p. 78.

врага европейского единства, а борьба с ним становится основной задачей движения. IV Панъевропейский конгресс, организованный в 1935 году в Вене, и был посвящен главным образом этому.

Однако панъевропейское движение было слишком слабым, чтобы эффективно противостоять нацизму. Ему же гитлеровцы нанесли весьма ощутимые удары. Одним из первых шагов с их стороны стало запрещение движения на территории Германии. Гитлер питал ненависть к сторонникам объединения Европы и видел в них представителей враждебного течения, противного его взглядам. «Панъевропейское движение, – писал Гитлер, – ошибочно по своей сути, поскольку пытается качество человека заменить количеством [...] В результате это могло бы привести к расовому хаосу и беспорядку, к вырождению культурного человечества и в конце концов к такому падению его расовых характеристик, что извлекающий из этого выгоду еврей постепенно поднялся бы до положения властелина мира»³². Эти безумные слова стали руководством к действию для гитлеровцев. Впрочем, они не предавали особой огласке свою борьбу с панъевропейским движением. Предпочитали действовать тихо, но зато эффективно.

Аншлюс Австрии стал новым чувствительным ударом по панъевропейскому движению. В результате была потеряна главная резиденция в Вене и вся издательская база. Самому Коденхов-Калерги в последний момент удалось спастись бегством. Несмотря на поражения, он пытался возобновить свою деятельность на территории Франции. После краткого перерыва начал вновь выходить орган движения «Европейские листки». 17 мая 1939 года, в десятую годовщину обнародования меморандума Бриана, представители панъевропейского движения организуют в Париже большой митинг, собравший интеллектуальную элиту столицы Франции³³.

Коденхов-Калерги до последнего момента не теряет надежды. В военном союзе Франции, Англии и Польши он усматривает символическое значение, знаменующее присоединение Англии к Европе³⁴. Даже с началом войны его деятельность окончательно не прекращается. На территории Соединенных

³² R. Coudenhove-Kalergi, *Ein Leben...*, S. 228.

³³ Там же. - С. 234-235.

³⁴ J. B. Duroselle, Там же. - С. 289.

Штатов он пытается действовать в новых, изменившихся условиях.

Панъевропейское движение в межвоенный период стало жертвой реальной действительности того времени. Не оформилось еще понимание общеевропейских проблем и общей пользы. Для мышления в общеевропейских категориях еще не было ни мощных традиций, ни надежной опоры. Окончательный удар нанесла движению победа Гитлера в Германии.

И все же, можно ли сказать, что движение за объединение Европы в данный период было лишено смысла? Представляется, что взгляд из исторической перспективы не позволяет дать отрицательного ответа. Была выдвинута идея большой идейной значимости, содержащая рациональное начало. Эта идея объединила вокруг себя довольно значительное число людей, которые действовали во имя ее, пропагандируя ее в Европе и облекая ее в конкретные организационные формы. Была создана традиция, сформулирована программа, которая хоть и не реализовалась, но и позже не утратила своей актуальности.

Панъевропейское движение межвоенного периода возродилось уже после II мировой войны как продолжение традиции, как знак времени. Оно дало толчок действиям, принявшим конкретные формы. От политических и экономических концепций Пан-Европы ведет прямая дорога к Европейскому объединению угля и стали, к Европейскому Экономическому Сообществу, к Европейскому Союзу.

Символическим связующим звеном между старым и новым временем был Ричард Коденхов-Калерги, посвятивший всю свою жизнь делу объединения Европы. После 1945 года ему удалось склонить на свою сторону Уинстона Черчилля и Робера Шумана, Конрада Аденауэра и Шарля де Голля. Результаты инициированных ими действий общеизвестны.

С польского перевела О. Остапчук
(перевод не авторизованный)